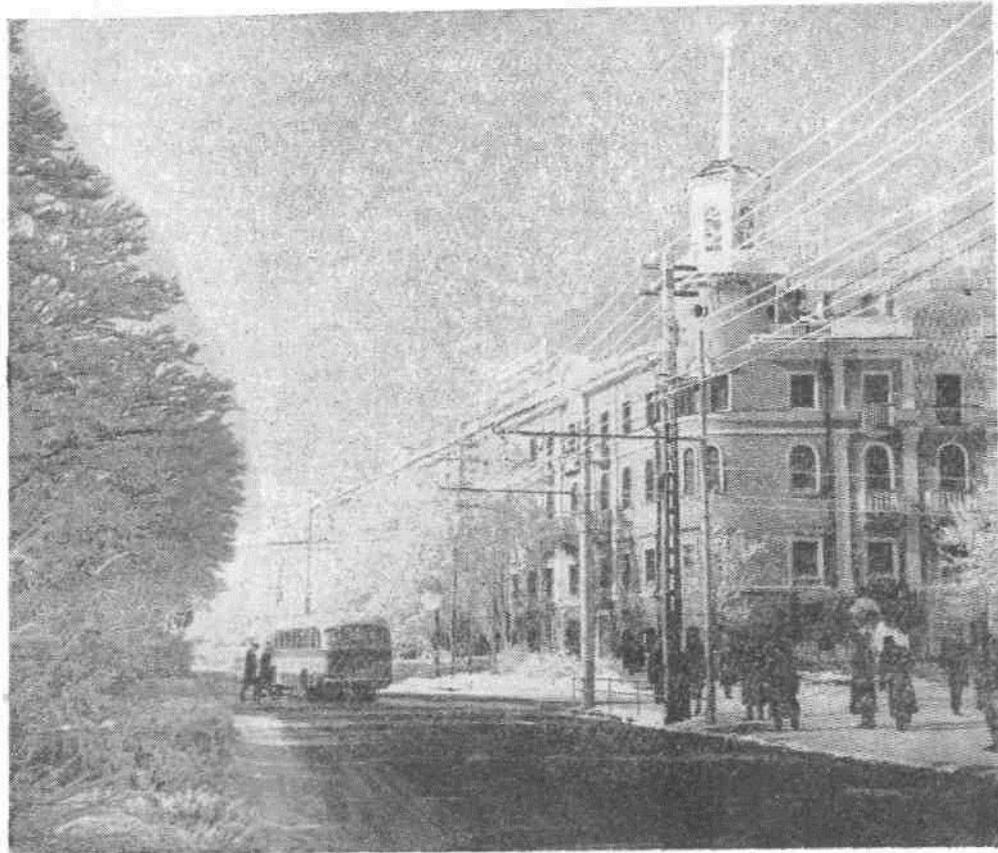

ПО УЛИЦАМ ШАГАЕТ ВРЕМЯ

Ставрополь внесен в список исторических городов — почему? Москва, Великий Новгород, понимаю — древность. А у нас-то что? (Из разговора в автобусе).

Города живут не только настоящим, глядят в будущее, но есть у них еще и третье измерение — прошлое. Ставрополь не богат памятниками древней культуры, как многие города. Он славен именами. Через эту географическую точку пересеклись судьбы многих знаменитых людей и менее известных, но героев своего времени, творивших историю. Ставрополь заповедует революционный дух времен.

...Золотой была осень сто девяносто один год тому назад, когда здесь, в вековом дремучем лесу, прорубали просеки, закладывали крепость, строили себе мазанки хоперские казаки. Они, хоперцы, посланные сюда за сочувствие пугачевскому восстанию, были первыми поселенцами.

На Азово-Моздокской укрепленной линии, построенной для защиты российских границ от происков турецких, иранских захватчиков, от набегов орд крымского ханства — Ставропольская крепость играла ведущую роль. Крепость — первая страница в летописи города, запечатлела имя великого полководца Александра Суворова, горячего поборника мирных отношений с малыми народами. «Не меньше оружия поражать противника человеколюбием», — давал он указания войскам, когда горские князья, спровоцированные англо-турецкими агентами и нарушив клятву на верность России, напали на крепости.

Знаменательным было в этой истории лето 1828 года. Русские взяли Анапскую крепость — военную базу турецких захватчиков. С падением Анапы кончилась и позорная торговля рабами на Черноморском побережье.

В тот июньский день, когда Ставрополь ликовал по случаю победы,

оказался в городе Александр Сергеевич Грибоедов. «Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы...» — писал он отсюда в письме. То была его последняя радость на родной земле. Верный идеалам декабристов, Грибоедов ехал как политический изгнанник послом в Иран, откуда не суждено было ему вернуться живым.

С крепости начинался город, в ту пору называли его воротами Кавказа. С крепостной горки любовался когда-то Эльбрусом Александр Сергеевич Пушкин. «На краю неба облака. Они были все те же, все на том же месте», — писал он.

Можно представить, — в каком настроении был тогда поднадзорный поэт, рисующий на полях своих рукописей виселицу с пятью повешенными; что чувствовал он, «корифей мятежа», встречая здесь сосланных друзей. Не могла кавказская экзотика скрасить бытие этого «распятого поколения», рассеять беспросветную мглу их будущего.

Смертельно больным попал сюда по «высочайшему повелению» поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский, в чьем стихотворном ответе на пушкинское «Послание в Сибирь» пророчески прозвучало: «Из искры возгорится пламя!»

В Ставрополе Одоевский написал свой грустный стих «Куда несетесь вы, крылатые станицы...» Прибыли сюда же из сибирской ссылки и другие декабристы: Нарышкин, Лорер, Назимов, Черкасов, Лихарев, Бестужев, Голицин...

Сколько их, «государственных преступников», проследовало через Ставрополь, словно через ворота в чистилище — под вражьи пули. Этот же тернистый путь выпал на долю и Михаила Юрьевича Лермонтова, сосланного в кавказскую действующую армию за стихотворение «На смерть поэта».

Ставрополь стал местом ссылки для многих опальных, неугодных царю передовых людей. Но дело декабристов не пропало. «Лучшие люди из дворян помогли разбудить народ», — писал Владимир Ильич Ленин. И сюда, на Кавказ, проникал подхваченный Герценом как знамя свет «Полярной звезды».

В Ставрополе, этом глухом городе, отрезанном от железных дорог, в городе казарм, монастырей и церквей; городе чиновников, купцов и черноморских — бродили молодые умы в поисках ответа: во имя чего идут герои на смерть? Вечерами под собачий лай и колокольный перезвон тайно читалась запретная литература; произносились крамольные речи; заучивались наизусть рукописные монологи Чацкого: «Горе от ума», не увидевшее света рампы при жизни Грибоедова, обретало гражданство; и как реквием декабристам звучала любимая песня молодежи:

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он...

Ничто великое не исчезает
бесследно.

Ветер Свободы раздувал искры,
зароненные в юные сердца.

Ставропольская мужская классическая гимназия становилась одним из очагов свободолобивой мысли. Многие воспитанники ее проникались духом гражданственности, подвижничества служения родине.

Первым ступил на путь борьбы за народное счастье Герман Лопатин. О жизни его, полной опасных приключений и подвигов, о частых арестах и дерзких побегах — слагались легенды.

Вслед за Лопатиным отсюда вышли революционеры: Михаил Бруснев — организатор одной из первых в России социал-демократической группы в Петербурге; народоволец Михаил Фроленко; выдающийся осетинский поэт-демократ Коста Хетагуров и другие.

«Коста — гений, творец...
путеводная звезда униженных и оскорбленных — вот понятия осетин, из которых складывается народный памятник поэту-гражданину», — писал С. М. Киров.

Основоположник осетинской литературы и языка, первый осетинский художник-живописец Коста Хетагуров был изгнан царскими чиновниками из родного края. Его кипучая деятельность оставила след в истории города.

На улице Дзержинского, напротив парка, есть старый дом, принадлежащий учителю гимназии художнику Василию Ивановичу Смирнову. Здесь, в небольшой светелке, обращенной окнами в сад, жил и творил Коста. Ближняя поперечная улица носит его имя. А на проспекте Карла Маркса, в сквере, установлен бюст. И сегодня изваянный из камня образ певца Свободы живет среди нас.

...Близ гимназии, на площади, помещалась духовная семинария. Толстыми были стены ее, отгородившие от «суетного мира» воспитанников; головы их от зари до зари забивались священными псалмами и толкованиями; наставники с «глазами летучих мышей» выслеживали в темных коридорах бунтарей-зачинщиков, строили иезуитские козни. Но дух пятого года не умирал, все креп. Изгнанные из семинарии Михаил Морозов и Нил Фролов стали революционерами.

Почти в ту же пору выходила из гимназии новая когорта борцов: большевики— Уллубий Буйнакский, ставший народным героем Дагестана, Борис Шеболдаев, Михаил Радолицкий, Валериан Петров, Максим Акулов, Валентин Бородаевский... Из Ольгинской гимназии вышли: Елена Грабенко и Варвара Косенко.

Во имя чего идут герои на смерть?

Им выпало счастье пронести знамя революции через порог новой, еще невиданной в истории человечества эпохи!

В стенах мужской гимназии зародились мечты о народном счастье; в этих стенах прозвучал и заключительный, торжественный аккорд Победы: здесь общегубернским народным съездом была провозглашена на Ставрополье Советская власть! Отсюда в ту новогоднюю ночь 1918 года была послана приветственная телеграмма Владимиру Ильичу Ленину.

Пожелтевшие страницы жандармских архивов открывают нам тайны прошлого.

Листовки, газеты, письма повествуют о рождении нового, что вместилось в одно емкое слово — Советы. Оно, это слово, точно талисман народного счастья, магически притягивало, поднимало на бой «свя-

той и правый» угнетенные массы.

В нашем краеведческом музее, хранителе истории, вы можете увидеть священные реликвии прошлого. И не только музей. Улицы города, памятники, мемориальные доски напоминают нам об ушедших в бессмертие...

Время... Многое оно могло бы рассказать нам о том январском вечере, когда здесь (где-то на месте кинотеатра «Родина») совершил свой первый побег из-под стражи двадцатипятилетний Герман Лопатин. Знаменательно, что улица, которую, возможно, перебежал Лопатин, носит теперь имя Карла Маркса. К нему тогда стремился Герман, мечтал о переводе на русский язык «Капитала». И мечта его сбылась. Он стал другом великого мыслителя. Глеб Успенский называл Германа Лопатина «удалой добрый молодец». Звучит былинно, но это Илья Муромец иного склада, богатырь могучего интеллекта и революционного духа. Двадцать семь лет провел он в ссылках и тюрьмах. Но, даже обреченный на вечное заточение в Шлиссельбургской крепости, когда «часы жизни остановились» — он стихами поддерживал дух товарищеских узников. В день именин Веры Фигнер он писал:

Пусть ты под сводами могилы этой адской

Погребена,

Но ты и здесь любовью нашей братской

Окружена.

Там, в каменном мешке одиночки, отрезанный от мира, он не поддавался медленной смерти и жил прошлым, мечтал о будущем России.

И, конечно же, много раз мысленно Герман Александрович бродил по улицам Ставрополя, где он впервые познал себя. Снова и снова вел долгие беседы с Марксом; из Лондона мчался в Сибирь, задавшись целью освободить из ссылки Чернышевского... Тайга, арест, снова побег. Переход границы и страшная весть о смерти Маркса. Лондон, Цюрих, Париж... Он вспоминал, он шел по дорогам прошлого, слов-

но тень великого Данте по девяти кругам ада, встречал на пути друзей и недругов, любя и ненавидя, спорил и доказывал...

Однако два десятка лет каменного ада сделали свое черное дело. Освобожденный первой русской революцией, Герман Лопатин был физически уже стариком, полуслепым. И мучился этим. В апреле 1917 года писал: «Страхи за Родину сердце терзают и гнев на бессилье свое...» А после взятия Зимнего Дворца, ликующий, с красным бантом в петлице, он шагал по улицам красного Питера в Смольный — слушать Ленина...

Свободолюбивый дух искони жил в роду Лопатиных. Не изменил ему и двоюродный брат Германа, один из организаторов Ставропольского комитета РСДРП, Александр Константинович (партийная кличка «Батя»). И все дети его жили идеями революции. Младший сын «Бати», Павел, защищал Советскую власть в отряде Фомы Шпака, Павел Лопатин был одним из первых депутатов Ставропольского городского Совета. А в 1920 году он в составе делегации сопровождал хлебный эшелон в голодающую Москву,

Кремль. Владимир Ильич Ленин. Волнение... Как исторически не далек тот день, когда Карл Маркс дружески пожимал руку Герману Лопатину, но как гигантски далеко перешагнуло время в новую эпоху — и руку Павла, племянника Германа Лопатина, пожимал не просто преемник учения Маркса, но глава нового, свободного государства рабочих и крестьян.

Все это для нашего молодого поколения заново открываемый героический, полный революционной романтики, мир. С печатных страниц множества книг, с киноэкранов глядит прошлое в сегодняшний день наш, точно в зеркало — в нем оно видит отражение своей завоеванной мечты.

А много ли минуло времени?

Еще не пробила историческая седина с того восемнадцатого года...

Душная июльская ночь. Осетинские казармы. Белое офицерье, напавшее на сонных красноармейцев. Ночная тьма, выстре-

лы, стоны, рукопашные схватки, проклятья... К офицерскому мятежу примкнула городская контра. И вдруг врывается в город отряд Фомы Шпака — того Шпака, которого награждали царские генералы орденами, произвели в унтер-офицеры. Но не им служил Фома Шпак, он служил Отечеству и, едва заслышав зов революции, покинул фронт, стал большевиком. Красной гвардии, пролетарской революции отдал свой воинский талант, свою жизнь этот замечательный человек.

Подавлено контрреволюционное восстание. Но движутся по красному Ставрополю, душат на пути Советы армии генералов Деникина, Алексева, Шкуро; стягиваются вокруг Ставрополя, словно щупальца гигантского спрута. И вот уже в городе белые. Колокольный звон и благодарственные молебны, аресты и расстрелы. Погромные листовки... Шкуро обещал убийце столько золота, сколько весит голова Фомы Шпака. И убийца нашелся. От рук тех же предателей оборвалась жизнь и Михаила Морозова — первого секретаря Ставропольского губкома РКП(б)...

Еще свежа в памяти участников и та знаменательная осенняя ночь, когда подошла к Ставрополю легендарная Таманская армия. В городе белые, силы далеко неравны. Но в полночь начался ошеломляюще смелый штурм: то тут, то там вспыхивали во тьме ракеты, отчаянная пулеметная стрельба, вдруг — музыка. Грянули разом оркестры «Интернационал», и усталые, голодные таманцы с победными криками «ура» вышибли из города белогвардейщину!

Хранят ставропольцы благодарную память о всех, кто завоевывал свободу, кто погибал на полях сражений за Советскую власть, кто защищал родную землю от фашистской нечисти.

На вершине Комсомольской горки покоится прах народного героя гражданской и Отечественной войн — Иосифа Родионовича Апанасенко. Взыблены гранитные гусеницы, будто остановилось то мгновенье, когда солдаты, мстя врагу за смерть любимого генерала,

двинули свои танки с Курской дуги на Берлин...

Клочок бумаги, исписанный наспех карандашом, донес до нас последние думы и желанье патриота: «Я старый солдат русской армии. 4 года войны империалистической, 3 года войны гражданской. И сейчас на мою долю выпало счастье воевать, защищать Родину. По натуре хочу быть всегда впереди. Если же мне суждено погибнуть, прошу хоть на костре сжечь, а пепел похоронить в Ставрополе на Кавказе».

История сохранила письма, рапорты: генерал Апанасенко, командуя Дальневосточным фронтом, рвался в действующую армию, туда, на Запад, где решалась судьба страны. И вот, в короткий час передышки, за двадцать дней до гибели, последние строки, воспоминания о стране своего степного детства — оно глядело из прошлого безрадостными глазами пастушонка.

Степь, исхлестанная дорогами гражданской войны. Конная Буденного, о которой «былинники речистые вели рассказ». Начальник Ставропольской кавдивизии Апанасенко славился отчаянно-смелыми налетами на тылы врага. Так было и под Тахтой, которую начали окружать крупные силы противника. В селе стоял партизанский полк, казалось, уже обреченный на гибель. И Апанасенко рискнул: переодев в казачье платье с погонями десятков красноармейцев и прихватив машину с тремя «максимами» — ринулся в тыл белых. Не вызвав подозрения, он успел разглядеть расположение главных сил, и грянули по ним в упор три пулемета. Паника. Тут же подоспели красные части. Отброшен враг, захвачены трофеи. А Иосифу Родионовичу в благодарность партизаны и жители Тахты преподнесли боевую награду — красную чрезплечную шелковую ленту, как бывало в суворовские времена (в Красной Армии орденов тогда еще не было).

Степь, по которой рыскали фашистские полчища, не представлялась ему иначе, как та же милая сердцу, освобожденная от помещиков земля, где прошла его боевая молодость и где родное

село названо его именем. Он знал — не бывать тому, чтобы опять укоренились там хозяева и появились батраки, чтобы опять страдали дети, обездоленные и беззащитные. Так крепко, неколебимо верил в победу генерал Апанасенко, когда Гитлер рвался к Москве и хозяйничали на Кавказе фашисты. Верил Иосиф Родионович — живой или мертвый, он будет на родной, такой же свободной земле.

...На окраине Ставрополя, у Холодного родника — заповедный уголок — братские могилы. Здесь захоронены партизаны, красноармейцы, погибшие в боях за освобождение города, и те, кого расстреливали хозяйничавшие в городе белые. Здесь же могила погибших в боях с фашистскими оккупантами. А сколько их, известных и безымянных могил рассеяно по степям Ставрополья; по другим республикам, краям и областям, городам и селам...

«Малая Земля» — небывало героический десант черноморцев. Многострадальный Новороссийск. Город, как птица Феникс, возрожденный из пепла. На площади Героев, утопающей в цветах, — вечный огонь. Два памятника: командиру морской пехоты Цезарю Куникову и нашему ставропольцу Николаю Сипягину. Это под его командованием корабль «морских охотников» под обстрелом противника, по заминированным морским путям, перебрасывали десанты, «Малая Земля» — нож в спину фашистских захватчиков...

Там же, под Новороссийском, погиб, тараня фашистский самолет, ставропольский комсомолец Леонид Севрюков. Он как будто вернулся с фронта домой, Герой Советского Союза, и стал на вечный пост на улице Комсомольской, у своей школы. В стенах ее мечтал Леонид быть летчиком — и проводил вечера в аэроклубе; мечтал о море — и, когда разразилась война, ушел в Военно-Морской Флот добровольцем. Он не был пустым мечтателем. Он любил Родину и жаждал подвига. И он совершил его. Улица, где родился и жил Леонид Севрюков, носит имя его.

...Имя Ивана Алексеевича

по тем ухабистым дорогам истории с одним, объединяющим их прекрасным чувством, имя которому — советский патриотизм. Слова эти вписаны трудом, кровью и в полувековую историю комсомола. И сегодня в борьбе за знания, в труде — юные так же самоотверженны и верны ленинским идеалам.

Ставрополь—столица богатейшего края. История его писалась не только на полях военных сражений, но и на мирных полях, в цехах заводов и фабрик, на буровых скважинах. Полвека жизни под знаком красных знамен — сверкающая полоса побед в борьбе с хозяйственной разрухой, со стихиями, за овладение подземными богатствами.

Ныне Ставрополь — город трудовой славы. Он богат именами живых героев, тех, что дают Родине хлеб, шерсть и мясо; тех, что открывали и добывают газ, нефть, медную руду; тех, что строили Невинномысский химкомбинат... Голубой цветок ставропольского газа, что вспыхивает в кухонных плитках уже десятков городов нашей страны, дает жизнь все новым заводам.

А как изменилось лицо города с его асфальтом, зеленью и цветами; со школами, институтами и театрами; со всем многолюдьем, движением и новыми кварталами многоэтажных домов. Улица Ленина — магистральная, самая красивая, начинаясь в прошлом, устремлена далеко в будущее — туда, куда растет город, где поднимаются корпуса новых заводов, а с ними меняется и социальный облик города.

Приехавшие на комсомольский юбилей ветераны первой ставропольской ячейки не узнали родного города.

— Спасибо вам, ребята!— волнуясь, говорил Владимир Тимофеевич Ливеренко на встрече с комсомольцами «Красного металлиста».— Так преобразили улицы, не узнать. В пояс кланяюсь вам!

Комсомольская горка — сердце Ставрополя. Гранитный монумент. Сюда приходит молодежь, старики и дети. И не только в дни великих годин. Полыхает негасимый огонь. Суровы каменные лица. Застыли взоры, устремленные в вечность.

Скорбна и мужественна мелодия курантов.

Во имя чего идут герои на смерть?

Под красным галстуком в детской груди сильнее бьется сердце. Склонив седую голову, забылся в воспоминаниях ветеран.

Чуть колыхается, потрескивая в тишине, пламя. Колышет ветерок легкую фату невесты. Рядом жених. Стоят рука в руке. В этот день, торжественный день их счастья, привело их сюда сознание долга перед святой памятью отца и деда, благодарное чувство за обеспеченное счастье, за чистое небо. И, в минуту раздумья, проходят другие образы юных: замученной белогвардейцами Вари Косенко и рано погибшего Максима Акулова с их нежной любовью; образ огневого Уллубия Буйнакского. «Любовь, как бы она ни была сильна, должна соответствовать моему мировоззрению,— писал он своей невесте из тюрьмы, незадолго до расстрела.— Смысл жизни в счастье человечества... Люби же, милая Тату, и мою дорогу!» Они не бились над формулой счастья, они были счастливы сопричастностью своей Великому, и через эту призму преломлялись их чувства.

И сегодня их внутреннему миру созвучно биение сердец юных строителей коммунизма. Потому они идут сюда. Та же земля под их ногами, те же звезды светят в ночи. Они называют себя ставропольцами не по казенной прописке, они чувствуют — с этой земли начинается Родина, ощущают связь судьбы своей не только с тем «Сегодня» и «Завтра», но и с тем «Вчера», откуда берет начало их счастье. Комсомольская горка... В ясную погоду на краю неба все так же сверкает Эльбрус. И пусть вид этой горы-облака радует нас красотой своей, пусть никогда и нигде не затемнится чистота горизонта грибоподобным облаком смерти.

Комсомольцы, молодежь — наследники отцовских традиций — в наш век, век космоса, также несут ответственность за судьбы всего человечества, за всю планету, за будущее!

Революция продолжается...

